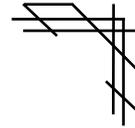

Часть IV

Киев в первой половине XIX столетия

Государь нервозный Павел
беспредел дворянских правил
ограничил, наконец,
не внимая возраженьям.
И ближайшим окруженьем
был задушен, как птенец.

Александр, монарх культурный,
киевским мануфактурам
подтвердил дешевизну.
Даже те, кто водку гнали,
ни копейки не сдавали
в государеву казну.

Магистратские доходы
шли на мелкие расходы
города поводырей.
И от взяток процветали
те, кто земли раздавали
под застройку пустырей.

Губернатор, князь Кутузов,
перед тем, как бить французов,
опыт тактики имел:
с болью зря из-под ладошки,
как от мелкой головешки
весь Подол в огне сгорел.

После страшного пожара
очень сильно вздорожала
на кирпич и лес цена.
Новостройному азарту
помешал Буонопарте
и в Отечестве война.

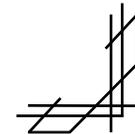
Император-полководец,
к огорченью местных модниц,
мимо Киева маршрут
проложил к кремлевским стенам
и потом, сойдя со сцены,
стал в их сплетнях атрибут.

А российские герои
по Парижу гордым строем
под штандартами прошли
и, “Мартель” принявши “бистро”,
во французском якобинстве
пользу Родине нашли.

Феодалов разложение,
крепостное унижение,
царство мракобесия
офицеры осуждали
и платформу обсуждали
“Русской правды” Пестеля.

В барском доме на Печерске
славный генерал Раевский
недовольных принимал,
делом увлеченный новым:
за Волконского с Орловым
дочек замуж выдавал.

Время личное вне службы,
соблюдая кодекс дружбы,
проводили в прениях.
Правда, Пушкин, Грибоедов
с ними, плотно отобедав,
разошлись во мнениях.

Луч Свободы был их светом.
Но не каждый мог при этом
стать цареубийцею.
Царь всю жизнь провел в дороге
и скончался в Таганроге
безнаследной птицею.

На переворот причину
в Петербурге получило
“Северное общество”.
Целый день в глухой угрозе
декабристы на морозе
проявляли творчество.

Милорадовичу в тело
угодил Каховский смелый
пулею убийственной.
Остальные растерялись
и на невский лед подались
от ответных выстрелов.

Слух, что бунт не получился,
до Печерска докатился
с крупным опозданием.
Ниже Киева “южане”
сводных братьев поддержали –
подняли восстание.

Опозорив честь мундира,
закололи командира
и, как были пешими,
выступив из Василькова
маршем строя полкового
свой задор потешили.

Взбунтовав солдат так просто,
вздумал Муравьев-Апостол
в назиданье нации
крепостного строя кризис
объяснить как “Катехизис”
в форме прокламации.

В безнадежной обстановке
боем возле Ковалевки
кончилось восстание.
Те, кто схвачен был с оружием
и царя считал ненужным,
ждали наказания.

Заподозренных в заразе
исцеляли на Кавказе.
Тех, кто был речистее,
нацепив на ноги гири,
прописали в глушь Сибири
до большой амнистии.

Пять поборников прогресса
Николай велел повесить –
жуткая виктория!
А о трупах человеческих,
искореженных картечью,
не кричит история...

Феодалы Украины
демократии доктрины
избегали за версту.
Первосортную пшеницу
вывозили за границу,
чтоб не скармливать скоту.

На безбрежии покосов
тонкорунных мериносов
разводили вполцены
и коней чистопородных,
к службе в армии пригодных,
выпасали табуны.

В Киеве, с особым рвением,
занялись винокурением,
водку хлебную гоня.
Сетью сахарных заводов
подсластили жизнь народов
всей империи царя.

Киевским капиталистам
дефицит специалистов
в техпрогнесе резал пыл.
Николай, властитель мерзкий,
Университет губернский
и гимназии открыл.

Наблюдать за общим нравом
по империи уставам
Бибикова усадил.
Тот к ботанике был падкий –
весь бульвар от Бессарабки
тополями обсадил.

Возле Университета
парк разбил и там с рассвета
на коне верхом скакал.
Тех, кто, приняв кружку бражки,
не снимал при нем фуражки,
самолично распекал!

Вместе с Третьим отделеньем,
с Просвещенья управленьем,
вдалбливал то мнение,
что Отчизна, Царь и Вера
(не революционеры)
для Руси спасение!

Охранители державы
южнорусский быт и нравы,
хорошо ль, убого ли,
больше знали понаслышке,
прочитав об этом в книжке
Николая Гоголя.

Между тем у них под носом
вновь мусолились вопросы
противоимперские.
В недрах университета
планы под большим секретом
вызревала дерзкие.

Молодые либералы
Белозерский, Костомаров
видели осознанно
шарм идиллии пейзапов
в Федерации Славянов,
пропагандой созданной.

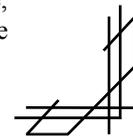
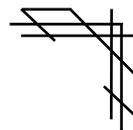
Разночинцы-демократы
меж собой вели дебаты
о крестьянской бедности,
а спасенье Украины
от духовной паутины
ждали в *незалежності*.

От помещичьих застенков
бывший крепостной Шевченко
призывал избавиться,
приложив топор железный
к голове царя облезлой,
Воле спев заздравницу!

С “Кобзарем”, в тисках цензуры,
в ручейке литературы
стал хрустальной каплею.
В самиздатском “Сне”, как в бреде,
обзывал царя медведем,
а царицу цаплею...

Пачкал бабку Николая,
ту, что п е р в о м у в т о р а я,
не блюдя приличия,
позабыв, что Катерина
площадь *неьки України*
втрое увеличила.

Счел, что много “наших” сгнило
в топях “Северной Пальмиры”,
и Петра Великого
перемазал в грязной луже,
написав, что тот был хуже
людоеда дикого...

Прочитав сии синкопы,
Николай, “жандарм Европы”,
выйдя из терпения,
в неугоду демократам,
записал его в солдаты
вместо академии.

Правда, мученик безгрешный
не попал под Буду с Пештом
в войско императора
и Шамиль в него не целил
из чеченского ущелья
дулом газаватовым.

Не отведал дымокурок
пушек англо-франко-турок
в Крымскую кампанию –
закаспийским экскурсантом
посвящал свои таланты
Азии познанию.

Размышлял над жизни смыслом,
водку осадив кумысом,
с пьяницами-чурками.
Собеседовал под зноем
с комендантскою женою
и его дочурками.

Офицер, как брат по классу,
редко принуждал Тараса
к службы унижениям,
уделяя ноль вниманья
запрещенью рисованья
и стихосложения.

Десять лет в солдатском чине
ждал поэт царя кончины
и дождался радости:
в севастопольском позоре
тот почил по своей воле
от какой-то гадости.

Александр, наследник трона,
сдачу крымской обороны
увязал в критерии
с крепостничества изъязном
и Свободу всем крестьянам
объявил в империи!

